

*For my wife MARGUERITE
with all my love*

“It is good to renew one’s wonder,”
said the philosopher.
“Space travel has again made children
of us all.”

January 1999: ROCKET SUMMER

One minute it was Ohio winter, with doors closed, windows locked, the panes blind with frost, icicles fringing every roof, children skiing on slopes, housewives lumbering like great black bears in their furs along the icy streets.

And then a long wave of warmth crossed the small town. A flooding sea of hot air; it seemed as if someone had left a bakery door open. The heat pulsed among the cottages and bushes and children. The icicles dropped, shattering, to melt. The doors flew open. The windows flew up. The children worked off their wool clothes. The housewives shed their bear disguises. The snow dissolved and showed last summer’s ancient green lawns.

Rocket summer. The words passed among the people in the open, airing houses. Rocket summer. The warm desert air changing the frost patterns on the windows, erasing the art work. The skis and sleds suddenly useless. The snow, falling from the cold sky upon the town, turned to a hot rain before it touched the ground.

*Моей жене Маргарет
с искренней любовью*

«Великое дело — способность удивляться, — сказал философ. — Космические полеты снова сделали всех нас детьми».

Январь 1999 РАКЕТНОЕ ЛЕТО

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом — два слова: *Ракетное лето.* Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

Rocket summer. People leaned from their dripping porches and watched the reddening sky.

The rocket lay on the launching field, blowing out pink clouds of fire and oven heat. The rocket stood in the cold winter morning, making summer with every breath of its mighty exhausts. The rocket made climates, and summer lay for a brief moment upon the land...

February 1999: YLLA

They had a house of crystal pillars on the planet Mars by the edge of an empty sea, and every morning you could see Mrs. K eating the golden fruits that grew from the crystal walls, or cleaning the house with handfuls of magnetic dust which, taking all dirt with it, blew away on the hot wind. Afternoons, when the fossil sea was warm and motionless, and the wine trees stood stiff in the yard, and the little distant Martian bone town was all enclosed, and no one drifted out their doors, you could see Mr. K himself in his room, reading from a metal book with raised hieroglyphs over which he brushed his hand, as one might play a harp. And from the book, as his fingers stroked, a voice sang, a soft ancient voice, which told tales of when the sea was red steam on the shore and ancient men had carried clouds of metal insects and electric spiders into battle.

Mr. and Mrs. K had lived by the dead sea for twenty years, and their ancestors had lived in the same house, which turned and followed the sun, flower-like, for ten centuries.

Mr. and Mrs. K were not old. They had the fair, brownish skin of the true Martian, the yellow coin eyes, the soft musical voices. Once they had liked painting

Ракетное лето. Высунувшись с веранд под дробную капель, люди смотрели вверх на алеющее небо.

Ракета стояла на космодроме, испуская розовые клубы огня и печного жара. В стуже зимнего утра ракета творила лето каждым выдохом своих мощных дюз. Ракета делала погоду, и на короткий миг во всей округе воцарилось лето...

Февраль 1999

ИЛЛА

Они жили на планете Марс, в доме с хрустальными колоннами, на берегу высохшего моря, и по утрам можно было видеть, как миссис К ест золотые плоды, растущие из хрустальных стен, или наводит чистоту, рассыпая пригоршнями магнитную пыль, которую горячий ветер уносил вместе с сором. Под вечер, когда древнее море было недвижно и знойно, и винные деревья во дворе стояли в оцепенении, и старинный марсианский городок вдали весь уходил в себя, и никто не выходил на улицу, мистера К можно было видеть в его комнате, где он читал металлическую книгу, перебирая пальцами выпуклые иероглифы, точно струны арфы. И книга пела под его рукой, певучий голос древности повествовал о той поре, когда море алым туманом застилало берега и древние шли на битву, вооруженные роями металлических шершней и электрических пауков.

Мистер и миссис К двадцать лет прожили на берегу мертвого моря, и их отцы и деды тоже жили в этом доме, который поворачивался, подобно цветку, вслед за солнцем, вот уже десять веков.

Мистер и миссис К были еще совсем не старые. У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие, мело-

pictures with chemical fire, swimming in the canals in the seasons when the wine trees filled them with green liquors, and talking into the dawn together by the blue phosphorous portraits in the speaking room.

They were not happy now.

This morning Mrs. K stood between the pillars, listening to the desert sands heat, melt into yellow wax, and seemingly run on the horizon.

Something was going to happen. She waited.

She watched the blue sky of Mars as if it might at any moment grip in on itself, contract, and expel a shining miracle down upon the sand.

Nothing happened.

Tired of waiting, she walked through the misting pillars. A gentle rain sprang from the fluted pillar tops, cooling the scorched air, falling gently on her. On hot days it was like walking in a creek. The floors of the house glittered with cool streams. In the distance she heard her husband playing his book steadily, his fingers never tired of the old songs.

Quietly she wished he might one day again spend as much time holding and touching her like a little harp as he did his incredible books.

But no. She shook her head, an imperceptible, forgiving shrug. Her eyelids closed softly down upon her golden eyes. Marriage made people old and familiar, while still young.

She lay back in a chair that moved to take her shape even as she moved. She closed her eyes tightly and nervously.

дичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполняли их зеленой влагой, а потом до рассвета разговаривать под голубыми светящимися портретами в комнате для бесед.

Теперь они уже не были счастливы.

В то утро миссис К, словно вылепленная из желтого воска, стояла между колоннами, прислушиваясь к зною бесплодных песков, устремленная куда-то вдаль.

Что-то должно было произойти. Она ждала.

Она смотрела на голубое марсианское небо так, словно оно могло вот-вот поднатужиться, сжаться и исторгнуть на песок сверкающее чудо.

Но все оставалось по-прежнему.

Истомившись ожиданием, она стала бродить между туманными колоннами. Из желобков в капителях заструился тихий дождь, охлаждая раскаленный воздух, глядя ее кожу. В жаркие дни это было все равно что войти в ручей. Прохладные струи посеребрили полы. Слышно было, как муж без усталости играет на своей книге; древние напевы не приедались его пальцам.

Она подумала без волнения: он бы мог когда-нибудь подарить и ей, как бывало прежде, столько же времени, обнимая ее, прикасаясь к ней, словно к маленькой арфе, как он прикасается к своим невозможным книгам.

Увы. Она покачала головой, отрешенно пожала плечами, чуть-чуть. Веки мягко прикрыли золотистые глаза. Брак даже молодых людей делает старыми, давно знакомыми...

Она опустила в кресло, которое тотчас само приняло форму ее фигуры. Она крепко, нервно зажмурилась.

The dream occurred.

Her brown fingers trembled, came up, grasped at the air. A moment later she sat up, startled, gasping.

She glanced about swiftly, as if expecting someone there before her. She seemed disappointed; the space between the pillars was empty.

Her husband appeared in a triangular door.

“Did you call?” he asked irritably.

“No!” she cried.

“I thought I heard you cry out.”

“Did I? I was almost asleep and had a dream!”

“In the daytime? You don’t often do that.”

She sat as if struck in the face by the dream.

“How strange, how very strange,” she murmured.
“The dream.”

“Oh?” He evidently wished to return to his book.

“I dreamed about a man.”

“A man?”

“A tall man, six feet one inch tall.”

“How absurd; a giant, a misshapen giant.”

“Somehow”—she tried the words—“he looked all right. In spite of being tall. And he had — oh, I know you’ll think it silly — he had blue eyes!”

“Blue eyes! Gods!” cried Mr. K. “What’ll you dream next? I suppose he had black hair?”

“How did you guess?” She was excited.

“I picked the most unlikely color,” he replied coldly.

“Well, black it was!” she cried. “And he had a very white skin; oh, he was most unusual! He was dressed in a strange uniform and he came down out of the sky and spoke pleasantly to me.”

И сон явился.

Смуглые пальцы вздрогнули, метнулись вверх, лова воздух. Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша.

Она быстро обвела комнату взглядом, точно надеясь кого-то увидеть. Разочарование: между колоннами было пусто.

В треугольной двери показался ее супруг.

— Ты звала меня? — раздраженно спросил он.

— Нет! — почти крикнула она.

— Мне почудилось, ты кричала.

— В самом деле? Я задремала и видела сон!

— Днем? Это с тобой не часто бывает.

Глаза ее говорили о том, что она ошеломлена сновидением.

— Странно, очень-очень странно, — пробормотала она. — Этот сон...

— Ну? — Ему не терпелось вернуться к книге.

— Мне снился мужчина.

— Мужчина?

— Высокий мужчина, шесть футов один дюйм.

— Что за нелепость: это же великан, урод.

— Почему-то, — она медленно подбирала слова, — он не казался уродом. Несмотря на высокий рост. И у него — ах, я знаю, тебе это покажется вздором, — у него были *голубые* глаза!

— Голубые глаза! — воскликнул мистер К. — О боги! Что тебе приснится в следующий раз? Ты еще скажешь — *черные* волосы?

— Как ты *угадал?!* — воскликнула она.

— Просто назвал наименее правдоподобный цвет, — сухо ответил он.

— Да, черные волосы! — крикнула она. — И очень белая кожа. *Совершенно* необычайный мужчина! На нем была странная одежда, и он спустился с неба и ласково говорил со мной.

She smiled.

“Out of the sky; what nonsense!”

“He came in a metal thing that glittered in the sun,” she remembered. She closed her eyes to shape it again. “I dreamed there was the sky and something sparkled like a coin thrown into the air, and suddenly it grew large and fell down softly to land, a long silver craft, round and alien. And a door opened in the side of the silver object and this tall man stepped out.”

“If you worked harder you wouldn’t have these silly dreams.”

“I rather enjoyed it,” she replied, lying back. “I never suspected myself of such an imagination. Black hair, blue eyes, and white skin! What a strange man, and yet—quite handsome.”

“Wishful thinking.”

“You’re unkind. I didn’t think him up on purpose; he just came in my mind while I drowsed. It wasn’t like a dream. It was so unexpected and different. He looked at me and he said, ‘I’ve come from the third planet in my ship. My name is Nathaniel York—’“

“A stupid name; it’s no name at all,” objected the husband.

“Of course it’s stupid, because it’s a dream,” she explained softly. “And he said, ‘This is the first trip across space. There are only two of us in our ship, myself and my friend Bert.’”

“*Another* stupid name.”

“And he said, ‘We’re from a city on Earth; that’s the name of our planet,’” continued Mrs. K. “That’s what he said. ‘Earth’ was the name he spoke. And he used

Она улыбалась.

— С неба — какая чушь!

— Он прилетел в металлической машине, которая сверкала на солнце, — вспоминала миссис К. Она закрыла глаза, чтобы воссоздать видение. — Мне снилось небо, и что-то блеснуло, будто подброшенная в воздух монета, потом стало больше, больше и плавно опустилось на землю — это был длинный серебристый корабль, круглый, чужой корабль. Потом сбоку отворилась дверь и вышел этот высокий мужчина.

— Работала бы побольше, тебе не снились бы такие дурацкие сны.

— А мне он понравился, — ответила она, откидываясь в кресле. — Никогда не подозревала, что у меня такое воображение. Черные волосы, голубые глаза, белая кожа! Какой странный мужчина — и, однако, очень красивый.

— Самовнушение.

— Ты недобрый. Я вовсе не придумала его намеренно, он сам явился мне, когда я задремала. Даже не похоже на сон. Так неожиданно, необычно... Он посмотрел на меня и сказал: «Я прилетел на этом корабле с третьей планеты. Меня зовут Натаниел Йорк...»

— Нелепое имя, — возразил супруг. — Таких вообще не бывает.

— Конечно, нелепое, ведь это был сон, — покорно согласилась она. — Еще он сказал: «Это первый полет через космос. Нас всего двое в корабле — я и мой друг Берг».

— *Еще одно нелепое имя.*

— Он сказал: «Мы из города на Земле, так называется наша планета», — продолжала миссис К. — Это его слова. Так и сказал — Земля. И говорил он не на

another language. Somehow I understood him. With my mind. Telepathy, I suppose.”

Mr. K turned away. She stopped him with a word.

“Yll?” she called quietly. “Do you ever wonder if—well, if there are people living on the third planet?”

“The third planet is incapable of supporting life,” stated the husband patiently. “Our scientists have said there’s far too much oxygen in their atmosphere.”

“But wouldn’t it be fascinating if there were people? And they traveled through space in some sort of ship?”

“Really, Ylla, you know how I hate this emotional wailing. Let’s get on with our work.”

It was late in the day when she began singing the song as she moved among the whispering pillars of rain. She sang it over and over again.

“What’s that song?” snapped her husband at last, walking in to sit at the fire table.

“I don’t know.”

She looked up, surprised at herself. She put her hand to her mouth, unbelieving. The sun was setting. The house was closing itself in, like a giant flower, with the passing of light. A wind blew among the pillars; the fire table bubbled its fierce pool of silver lava. The wind stirred her russet hair, crooning softly in her ears. She stood silently looking out into the great sallow distances of sea bottom, as if recalling something, her yellow eyes soft and moist,

“Drink to me only with thine eyes,
and I will pledge with mine,”

she sang, softly, quietly, slowly.

нашем языке. Но я каким-то образом понимала его. В уме. Телепатия, очевидно.

Мистер К отвернулся. Ее голос остановил его.

— Илл! — тихо позвала она. — Ты никогда не задумывался... ну... *есть ли* люди на третьей планете?

— На третьей планете жизнь невозможна, — терпеливо разъяснил супруг. — Наши ученые установили, что в тамошней атмосфере слишком много кислорода.

— А как было бы чудесно, если бы там *жили* люди! И умели путешествовать через космос на каких-нибудь особенных кораблях.

— Вот что, Илла, ты отлично знаешь, я ненавижу эту сентиментальную болтовню. Займемся лучше делом.

Близился вечер, когда она, ступая между колоннами, источающими дождь, запела. Один и тот же мотив, снова и снова.

— Что это за песня? — рявкнул в конце концов супруг, проходя к огненному столу.

— Не знаю.

Она подняла на него глаза, удивляясь сама себе. Озадаченно поднесла ко рту руку. Солнце садилось, и по мере того как дневной свет угасал, дом закрывался, будто огромный цветок. Между колоннами подул ветерок, на огненном столе жарко бурлило озерко серебристой лавы. Ветер перебирал кирпичные волосы миссис К, тихонько шепча ей на ухо. Она молча стояла, устремив затуманившийся взор золотистых глаз вдаль, на бледно-желтую гладь морского дна, словно вспоминая что-то.

Глазами тост произнеси,
И я ответу взглядом, —

запела она тихо, медленно, нежно.